

Конкурс студенческих эссе  
«Мое время и мой университет: ценности и смыслы»  
Гений места и человек культуры

*Никитина Ирина Владимировна,*  
студентка 3 года обучения  
Серебряного Университета МГПУ

### **О Высоцком**

Несколько лет назад Мэрия Москвы организовала для пенсионеров, людей «серебряного возраста», движение «Московское долголетие». Я, будучи общественным советником Мэрии Москвы, принимала в нем участие с первых дней. Чем только ни занималась — «скандинавская ходьба» в Саду имени Баумана, конкурс «Что, где, когда» на первенство Москвы в 2020 году (кстати, наша команда заняла 1-е место), английский язык, гимнастика для мозга, рисование — приходилось заниматься по всем направлениям, для того чтобы понять, как лучше проводить занятия. Но когда 3 года назад я стала студентом Серебряного Университета при МГПУ, я поняла, что это то, что мне действительно надо, это — мое.

Постепенно я отошла почти от всех других направлений, чтобы больше времени уделять занятиям в МГПУ. Свой Учитель важен для людей всех поколений. Нам особенно повезло с преподавателем — Вадимом Николаевичем Колбасиным. Человек глубокого профессионализма, обладающий обширными знаниями в области литературы, истории и теории театра и кино, умеющий свои знания интересно подать, тактичный, терпеливо принимающий наши скромные попытки творить. Это поистине человек культуры и своего рода «гений места», способный вызвать большой ряд воспоминаний и ассоциаций с целой плеядой людей культуры. Каждый день благодарю нашего преподавателя и ректорат нашего любимого МГПУ за эту удивительную встречу (а встреч случайных не бывает) и те возможности, которые для нас открылись. И, конечно, здесь очень уютно: нас бережно приютили у себя в университете, в корпусе института гуманитарных наук с удобным местоположением, предоставили просторные аудитории, возможность использовать технику для просмотра слайдов, презентаций, текстов (это ведь для нас новый опыт, в юные годы мы не имели таких условий), подарили возможность общаться с приветливыми преподавателями, веселыми и общительными студентами. Даже есть кофемашина на радость такому кофеману, как я, — всё создает особую атмосферу, способствующую раскрытию творческих способностей таких немолодых людей. Мы живем в предвосхищении каждого нового занятия в стенах МГПУ. Сюда хочется идти. Здесь хочется творить. Здесь чувствуешь себя молодым и полным сил. А потому и есть желание поучаствовать на равных в конкурсе студентов всей большой семьи МГПУ. О «гениях места»

нужно больше вспоминать, формируя и оттачивая нашу систему ценностей, фиксируя в текстах значимые смыслы.

Был в моей жизни «артистический» период, когда я несколько лет крутилась в актерской тусовке. В разное время, в разных обстоятельствах мне случалось познакомиться с актерской братией – от кого-то я была в восторге, ко многим относилась с легким пренебрежением.

Я была покорена личностью Инны Чуриковой, ее интеллигентностью, выдержкой, доброжелательностью.

Эльдар Рязанов, сочетающий в своей натуре детскую наивность и детское же самолюбование с острой практичностью и пониманием людей, учил меня танцевать танго...

Борис Моисеев – с его наигранным эпатажем и тоскливыми глазами брошенной собаки...

Расул Гамзатов, в те редкие моменты, когда был не пьян, угощавший меня восточными сладостями и пытавшийся рассказать о Дагестане... Кстати, я уверена, что 50, если не 70% его успеха как поэта в России – это заслуга переводчика, так как Гамзатов практически не говорил на русском языке.

Может быть, когда-нибудь я напишу об этих встречах, но сейчас я хочу рассказать о моем знакомстве с Владимиром Высоцким.

С ним и артистами «Театра на Таганке» и «Ленкома» я познакомилась через свою приятельницу Аллу, которая была в близких отношениях с Олегом Янковским. Благодаря ей я пересмотрела весь репертуар «Ленкома», а «Юнону и Авось» – даже 3 раза. Караченцов, конечно, был гениальным актером. Царство ему Небесное!

Итак, Высоцкий... Первый раз лично я встретила с ним после спектакля на Таганке «Пугачев». Вы помните – он играл там Хлопушу... До сих пор у меня перед глазами картина, когда он из глубины сцены бежит, голый грудью падает на цепи и хрипит: «Проведите меня, я хочу видеть этого человека!...»

Весь зал не дышал, а как-то всхлипывал и замирал в этот момент...

После спектакля мы пошли в гримерку, я отдала обязательный букет, что-то промямлила восхищенно и затихла в уголке гримерной.

Народу набилось много, все поздравляли, восхищались, что-то объясняли друг другу... А Высоцкий сидел в кресле и кивал, иногда улыбаясь. Мне было видно его лицо, и я поразила выражению его глаз – он нас не видел, он все еще смотрел вглубь себя и сцены, он был не с нами, он присутствовал при нас. Иногда у него рефлекторно вздрагивали и сжимались в кулаки руки, лежащие на подлокотниках кресла. Он был в не застегнутом халате, и кожа на груди всё еще блестела от пота. Он машинально вытирал ее полотенцем и отрешенно смотрел мимо нас.

Я не очень уважала актерскую братию, раздражало пьянство, какое-то истерическое отношение к себе, людям, жизни, резкая смена настроения, иногда – хамство. Я уже не говорю о закулисных интригах... Но, глядя на Высоцкого в тот момент, я впервые поняла, что это совершенно особая

порода людей, к ним нельзя подходить с общепринятыми мерками, потому, что они, если это настоящие артисты, расплачиваются за наши эмоции своей жизнью, нервами, здоровьем, рассудком, наконец, что такое погружение в личность другого человека, зачастую абсолютно не схожего с исполнителем, отбирает у них все жизненные силы. И они возвращаются в себя кто как может, зачастую только с помощью спиртного или сумасшедшего драйва от быстрой гонки на машинах до быстрой смены любовниц... После этого открытия я перестала свысока судить об актерах.

Второй раз я увидела Высоцкого, когда мы с Аллой пришли на какой-то праздник в квартиру Всеволода Абдулова – самого близкого друга Высоцкого. Вы помните его по роли милиционера, который выиграл в лотерею деньги, а потом всех продал Фоксу на конспиративной квартире в фильме «Место встречи изменить нельзя». Кстати, эту роль он получил благодаря Высоцкому, который уговорил Говорухина снять его в этом фильме.

Когда мы шли на встречу, нас предупредили, что Высоцкий сейчас закодировался и поэтому будет только «сладкий стол» и никаких разговоров и тостов. Я не знала, что принести с собой, и поэтому заказала в ресторане «Прага» на Старом Арбате большой торт «Птичье молоко» – тогда самый модный. Я по работе тогда была связана с Моссоветом и имела определенные возможности.

Торт пришелся очень кстати и был моментально съеден.

За столом, как всегда, было шумно, обсуждались последние спектакли, фильмы, скандалы, гастролы... Я с удовольствием погружалась в этот так отличный от моей жизни мир...

Высоцкий пришел попозже, и сразу все сосредоточилось на нем... Он протянул Абдулову какой-то большой пакет странной формы, что-то тихо ему сказал и, с усмешкой посмотрев на «сладкий стол», сразу всё понял.

Меня поразило, что говорил он негромким голосом, без хрипоты и надрыва, часто замолкая и прислушиваясь к другим. Выглядел он устало, так как приехал с записи своего выступления. Небольшого роста, но крепкая подтянутая фигура, чуть отросшие волосы, любимая водолазка и кожаный пиджак... Казалось бы, ничего особенного, но чувствовалось, что это личность, мужчина, лидер.

Конечно, его стали просить спеть, он спел «Корабли постоят», потом про психбольницу, еще что-то... А потом спел песни из «Вертикали» – про горы. Тут уж я не выдержала, и из уголка, где тихо сидела, пискнула: «Владимир Семенович! Вы же не ходили в горы, как вы смогли так написать?»

Он посмотрел на меня и, вероятно, понял, что с меня взять нечего, и не от большого ума задан вопрос. Тут со всех сторон понеслось: «Необязательно ходить в горы или опускаться в шахту, чтобы написать стихи, в этом отличие творческой личности поэта от остальных» и т.д. и т.п.

Он тихо наигрывал на гитаре и слушал все высказывания. А я обратила внимание на то, КАК он слушает. Он не просто слушал – он впитывал то, что

говорил человек, он не отрывал глаз и внимательно, как бы вбирая в себя речь, интонацию, слова, взгляд, он воплощался в этого человека.

И я поняла, как он может писать свои песни о море, горах, цирке – это великая способность к перевоплощению, вживанию в образ.

А потом он спросил:

– А Вы были в горах?

Я с гордостью ответила, что уже несколько лет занимаюсь горным туризмом.

– Ну, и как горы?

И тут меня понесло: я стала рассказывать о своих ощущениях, когда идешь в горы к вершине, задыхаясь, проклиная всё на свете, а ляжки рюкзака до крови врезаются в плечи и дрожат напряженные ноги, и – вдруг – бешеное, невероятное счастье на вершине, когда «весь мир на ладони»!

– Поэтому меня так и поразили Ваши песни, как будто Вы шли вместе с нами к вершине!

Он внимательно слушал, вглядываясь в меня, а потом спросил:

– А какая Ваша любимая песня?

Я сказала:

– «Кони привередливые».

Он еще раз взглянул и начал петь. После этого я больше не могу слушать эту песню ни в записи, ни, тем более, в другом исполнении.

У меня было ощущение этого полета на конях над обрывом, когда душа холодеет от ужаса и восторга. Такое же чувство я потом испытала в горах, когда увидела, как с вершины Гезе-вцек в четырехстах метрах от меня сходит лавина, сначала в полной тишине, а потом, через мгновение, – с грохотом и содроганием гор.

До сих пор у меня хранится его автограф на брошюре о Высоцком, которую я купила в Доме актера, с надписью: «Желаю добра».

И дальше – тишина...

Всё кончено... Да, дальше – тишина...

Переоценки тяжкие моменты...

Затихли песни, отзвучали речи,

Замолкли сожаления пустые...

Лишь зажигалок свечи

И... аплодисменты...

С Высоцким так прощалась Россия!